

Сыма Шаоцзюнь слегка кивнул, провожая взглядом Чжао Чжипина, подошедшего к двери. Внезапно он заговорил:

— Господин, у меня есть ещё один вопрос.

— Прошу, Ваше Высочество. — Чжао Чжипин обернулся.

— Почему, говоря о совместном сдерживании князя У, князь Цзинь выбрал меня, а не князя Юй?

Чжао Чжипин на мгновение замялся. На самом деле он и сам удивлялся этому. Князь Юй уже обладал военной властью, зачем же искать обходные пути? Опустив взгляд, он почтительно поклонился:

— Это решение моего государя, и мне не подобает его обсуждать.

После ухода Чжао Чжипина Сыма Шаоцзюнь снова сел, положив руку на письмо. Он осторожно развернул его. Почерк был изящным и непринуждённым, с оттенком легкомысленной бравады.

«...С тех пор как мы расстались, я восхищаюсь Вашим Высочеством, князем Чэн. Хотя мы находимся в разных царствах, я часто вспоминаю Вас. Хотя луна Великой Юн освещает разные пути, мы с Вами можем идти вместе. Князь Юй создаёт Вам трудности при дворе, и я предлагаю этот план, чтобы облегчить Ваше положение. Если однажды Ваше Высочество взойдёт на престол, я издали поздравлю Вас...»

Это совсем не походило на того юношу в чёрном, каким он запомнился Сыма Шаоцзюню. Он вспомнил те печальные и упрямые глаза в Сюаньчэне. В мире перемен нет ничего, что нельзя было бы отпустить. Но почему же эти высокопарные слова застряли у него в груди, не давая покоя?

На следующий день на казённом тракте Чжао Чжипин яростно погонял своего скакуна. Дело с князем Чжао было лишь обманом для князя Чэн. Хотя войска Миньюэ могли сдерживать царство У, у хусцев всё ещё оставалось более ста тысяч воинов. Даже с поддержкой князей Хуай и Чжао столица вряд ли устоит.

В столице, во Дворце Чжаова, царила напряжённая атмосфера. Ван Цяньхэ взглянул на стоявшего рядом князя Цзинь, его брови были нахмурены.

— В таком случае я прощусь.

— Хорошо. — Император Сюань кивнул.

Цинь Юй, стоявший рядом, заметил выражение лица Ван Цяньхэ и хотел утешить его, но не нашёл подходящих слов. Столица была осаждена уже более двадцати дней, войска измотаны, и наступил самый критический момент. Даже охрана императорского дворца была почти полностью переброшена на защиту от хусцев. Теперь никакие красивые слова не могли утешить людей.

— Я тоже прощусь. — Он поклонился и направился к выходу.

— Шестой брат. — Император Сюань внезапно остановил уходящего князя Цзинь, улыбнувшись. — Когда ты штурмовал столицу, я думал, что тогда чувствовал Цинь Чжэн.

Теперь я наконец понял. Это неприятно.

Брови Цинь Юй слегка дрогнули, и он поклонился:

— Ваше Величество, Вы находитесь под защитой Небес, и с Вами ничего не случится.

Это утешение звучало неискренне. Император Сюань усмехнулся. С тех пор как он стал Сыном Неба, такие лестные слова постоянно звучали вокруг него. Иногда он даже начинал верить в них. Но теперь он понял, что никакой защиты Небес не существует.

Император Сюань встал и медленно подошёл к князю Цзинь. Его взгляд был спокоен и мягок:

— Шестой брат, если город падёт, защити матушку-императрицу и беги на Северные земли. Я верю, что ты сможешь спасти Великую Юн из пучины бедствий. Я — Сын Неба, и моя судьба — отдать жизнь за страну.

Солнечный свет падал сбоку, освещая усталое лицо императора Сюаня. Он выглядел серьёзным и сосредоточенным. Цинь Юй смотрел на него. Несмотря на все прошлые разногласия, в этот момент он испытывал уважение к императору Сюаню, восхищаясь его способностью сохранять достоинство и ответственность, присущие императору. Ответственность, которую он сам не мог нести.

— Ваше Величество. — Цинь Юй медленно опустился на колени, глядя на него, и торжественно произнёс:

— Генерал сражается до конца и не отступает. В день падения города я умру в бою, а Ваше Величество и матушка-императрица отступите в царство Цзинь. Возвращение земель — лишь вопрос времени.

В зале воцарилась тишина. Император Сюань и Цинь Юй смотрели друг на друга, не произнося ни слова. Наконец император Сюань наклонился и помог ему подняться, мягко смахнув пыль с его плеча. В тот момент Цинь Юй почувствовал, что его старший брат, всегда защищавший его, вернулся.

— В тот день, когда матушка отправила тебя, я держал тебя на руках. Ты был таким маленьким. — Император Сюань показал жестом и продолжил:

— Теперь, оглядываясь назад, кажется, что это было вчера. Кто бы мог подумать, что мы, братья, окажемся в такой ситуации? Шестой брат... я хочу, чтобы ты тоже выжил.

Да! Кто мог подумать? Вражда, любовь, богатство и власть ослепили нас, заставив забыть о прошлом. Но мы должны идти вперёд. Цинь Юй взглянул на императора Сюаня, глубоко поклонился и, не сказав ни слова, покинул зал.

Если город действительно падёт и только один из нас выживет, кто это будет? Знает только Небо! Но по крайней мере сейчас ты — мой старший брат, а я — твой шестой брат. Я сделаю всё, чтобы защитить тебя, а остальное оставлю на потом.

Император Сюань стоял под сводами, провожая взглядом князя Цзинь, чьи шаги были тверды, пока тот не исчез за воротами дворца.

— Шестой брат, я действительно никогда не хотел тебя убить. Никогда!

Звон копыт раздавался на мощёных улицах. Цинь Юй был погружён в мрачные мысли, когда шум вдали вернул его к реальности.

— Что происходит? — Он подъехал ближе и резко спросил.

Князь Цзинь! У Гуаньюань внутренне содрогнулся, на лбу выступил холодный пот.

— Приветствую Ваше Высочество.

Цинь Юй окинул его взглядом, заметив Наньгун Юйляна неподалёку, и нахмурился.

— Что случилось?

— Хусцы атаковали водные пути, ворота Юн пострадали, и беженцы воспользовались хаосом, чтобы проникнуть в город.

— Безобразия! — Цинь Юй соскочил с коня и встал перед У Гуаньюанем. — Что гласит мой приказ?

— Тех, кто самовольно впускает беженцев... казнить.

— Учитывая, что это твой первый проступок, отправляйся получать наказание. Не жди, пока я отдам приказ.

— Слушаюсь. — У Гуаньюань тут же собрался уйти, но князь Цзинь снова остановил его. — А он что здесь делает?

У Гуаньюань взглянул на Наньгун Юйляна, его лицо выразило колебание, и он ответил:

— Ваше Высочество, жрец Наньгун убеждал меня открыть ворота и впустить беженцев.

Убеждал? Цинь Юй усмехнулся, глядя на возмущённого жреца и смущённых офицеров рядом с ним. Столица держалась на последнем издыхании, и нельзя было позволить этому жрецу подорвать дух войск.

— Приведите жреца Наньгун и отправьте его прочь. Военный лагерь — не место для посторонних.

Ван Мэн тут же подошёл, но едва он протянул руку, Наньгун Юйлян отпрянул и вместо этого направился к князю Цзинь.

— Ваше Высочество. — Наньгун Юйлян поклонился, но его лицо всё ещё выражало возмущение. — Хусцы творят бесчинства, а Ваше Высочество не защищает народ Великой Юн, а вместо этого выгоняет беженцев за стены. Есть ли в Ваших словах и поступках хоть капля милосердия?

Красноречиво! Цинь Юй окинул взглядом окружающих воинов и, сложив руки за спиной, громко произнёс:

— Государство на грани краха, Его Величество в опасности, а вы, воины, получая жалованье от государя, не проявляете благодарности и слушаете эти смутные речи, сеющие раздор в войсках. Если из-за этого город падёт и страна погибнет, как вы посмотрите в глаза потомкам?

— Ваше Высочество совершенно правы. — У Гуаньюань первым опустился на колени, склонив

голову. — Мне стыдно.

— Мне стыдно. — Остальные офицеры также опустились на колени.

— Каждый на своём месте. — Цинь Юй не смотрел на них, холодно произнеся:

— Нарушившие приказ — казнить!

— Слушаюсь.

Воины разошлись. Цинь Юй бросил взгляд на маленького жреца, давая знак Ван Мэну увести его, не желая больше тратить на него слова.

Князь Цзинь повернулся, чтобы уйти, но Наньгун Юйлян замер.

— Ваше Высочество!

— Жрец. — Цинь Юй обернулся к нему. — Я знаю, что ты добр. Но что, если среди беженцев есть шпионы хусцев? Что, если они переодетые солдаты, которые откроют ворота? Разве жизни горожан, Его Величества и тысяч воинов не имеют значения?

Наньгун Юйлян онемел. После короткой паузы он вдруг спросил:

— Ваше Высочество видели, как выглядят беженцы?

— А ты видел, как выглядит поле боя? — Цинь Юй сделал шаг вперёд, схватил его за руку и потащил на стену. — Я покажу тебе.

— Отпустите меня!

Наньгун Юйлян сопротивлялся, но рука князя Цзинь крепко держала его, и он был вынужден подняться на стену. Стоя на вершине, он смотрел вдаль. У подножия стены лежали отрубленные конечности и разбросанные камни, от которых исходил резкий запах крови.

— Жрец, посмотри вперёд. Там лежат тела воинов Великой Юн, погибших ради защиты этого города. Если из-за твоей доброты столица падёт, как ты сможешь смотреть в глаза тем, кто погиб на поле боя?

Лицо Наньгун Юйляна побелело, в животе подступила тошнота. Он обернулся к князю Цзинь, но тот смотрел вперёд с каменным выражением, его взгляд был холоден. Князь Цзинь взглянул на него и добавил:

— Столица — не просто город. Это столица Великой Юн. Если ты не хочешь, чтобы погибло больше людей, не делай таких глупостей.

Сознание Наньгун Юйляна на мгновение опустело. Впервые он понял, что война беспощадна, и его многолетние убеждения казались теперь смешными.

— Ваше Высочество, значит... ради государства этих людей бросили на произвол судьбы?

— Именно так. — Голос князя Цзинь был спокоен, жёсткий, как камень.

— А сам Ваше Высочество? — Наньгун Юйлян поднял голову, его голос дрожал от нежелания принять это.

— Если понадобится, я тоже пожертвую собой. — Цинь Юй продолжал говорить ровным тоном.

Наньгун Юйлян открыл рот, но не нашёл слов. Он опустил голову, погружённый в свои мысли. Цинь Юй взглянул на него, но больше не обращал внимания, отдав приказ стражнику.

— Передайте приказ: всех беженцев, вошедших в город, не оставлять в живых.

— Слушаюсь.

<http://bllate.org/book/16170/1450350>